

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.43>

Васильева Анастасия Юрьевна

Возникновение метафорических номинантов со значением этической оценки в русском и других славянских языках

Статья посвящена изучению моделей метафорического переноса, результатом которого является возникновение значения этической оценки у номинантов физических явлений в русском языке. На материале лексем некоторых праславянских этимологических гнезд показывается, что основные метафорические модели, функционирующие в русском языке, складываются в дописьменную эпоху и отражают мифологичность мышления древнего человека. Научная новизна статьи заключается в том, что в ней впервые рассматриваются лексемы, относящиеся к одному этимологическому гнезду, с точки зрения развития ими аналогичных вторичных (метафорических) значений, связанных с одной и той же семантической сферой - этической оценки. Данный подход может иметь практическую значимость для историко-семантических, лингвокультурологических и лингвокогнитивных исследований.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/7/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 220-224. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Теория языка

Theory of Language

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.43>

Дата поступления рукописи: 15.02.2020

Статья посвящена изучению моделей метафорического переноса, результатом которого является возникновение значения этической оценки у номинантов физических явлений в русском языке. На материале лексем некоторых праславянских этимологических гнезд показывается, что основные метафорические модели, функционирующие в русском языке, складываются в дописьменную эпоху и отражают мифологичность мышления древнего человека. **Научная новизна** статьи заключается в том, что в ней впервые рассматриваются лексемы, относящиеся к одному этимологическому гнезду, с точки зрения развития ими аналогичных вторичных (метафорических) значений, связанных с одной и той же семантической сферой – этической оценки. Данный подход может иметь **практическую значимость** для историко-семантических, лингвокультурологических и лингвокогнитивных исследований.

Ключевые слова и фразы: вторичная номинация; внутренняя форма; метафора; оценка; понятийная система; модель семантической деривации; сема; концепт.

Васильева Анастасия Юрьевна

Бакирский государственный университет, г. Уфа
anastasija888555@yandex.ru

Возникновение метафорических номинантов со значением этической оценки в русском и других славянских языках

Метафорическая система языка не статична. Проследить ее эволюцию, обнаружить первоначальные когнитивные механизмы процессов метафоризации и, возможно, спрогнозировать дальнейшие тенденции развития позволяет диахронический подход. Поскольку «метафоризация как когнитивный процесс является элементом оценочной деятельности» [14, с. 262], большой интерес для понимания специфики национального сознания представляет и аксиологический аспект метафорической номинации. Взаимосвязь оценки и метафоры освещена в исследованиях Н. Д. Арутюновой, Е. Н. Баниной и др., но изучена далеко не полностью. Таким образом, **актуальность** настоящей работы определяется не только необходимостью научного осмысления возникновения категории оценки в языке, но и недостаточной степенью изученности аксиологического аспекта метафоры. Наша **цель** заключается в том, чтобы понять механизмы возникновения метафорических номинантов, выражающих значение этической оценки в русском языке. Мы поставили следующие **задачи**: выявить модели семантической деривации в сфере предикатов этической оценки с опорой на лексемы, относящиеся к одному корневному гнезду в славянских языках, а также провести лингвокультурологический анализ некоторых реализаций этих моделей. Для решения поставленных задач мы применили **методы** лингвистического описания, этимологического и компонентного анализа.

Одним из ключевых свойств современной лингвистики является ее полипарадигмальность. Сосуществование нескольких различных подходов к языку позволяет изучить его с разных сторон: исторической (диахронической) и синхронической – с одной стороны; семантической, формальной и функциональной – с другой. В этом плане метафора является одним из наиболее показательных языковых средств. Во-первых, благодаря своей «вторичности» метафоры сохраняют внутреннюю форму и позволяют проследить семантические изменения в диахроническом срезе. Во-вторых, в рамках структурного подхода метафору можно изучать, например, с помощью компонентного анализа или с точки зрения типов связи значений полисеманта и т.д. В-третьих, при антропоцентрическом подходе (в частности в когнитивной лингвистике) метафора рассматривается как способ познания, оценки и интерпретации мира. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, если раньше внимание ученых было направлено преимущественно на исследование поэтической метафоры, которая, соответственно, изучалась исключительно в рамках филологических наук, то в последние несколько десятков лет метафора становится объектом дисциплин, изучающих когнитивные, мыслительные процессы и т.д.: «В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-

специфического видения мира, но и его универсального образа» [1, с. 6]. Метафора – это не просто лексическое средство, служащее украшению речи. Метафора – это механизм, регулирующий мышление, поведение и языковую деятельность человека, о чем писали Дж. Лакофф, М. Джонсон: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [16, с. 387]. Именно этим «полипарадигмальным» характером метафоры как объекта изучения лингвистики обусловлен неугасаемый интерес исследователей к ней, прежде всего к проблемам ее рождения и функционирования [9].

В силу того, что метафора длительное время изучалась в качестве поэтического средства, в классическом понимании она определяется как троп – художественно-выразительный прием, построенный на перенесении свойств (свойства) одного объекта на другой. Также распространено (особенно в школьной программе) определение метафоры как скрытого сравнения [15]. Принцип заключается в сопоставлении двух предметов/явлений на основании общего важного признака. Однако в последнее время ученые высказываются о том, что определение метафоры как скрытого сравнения недостаточно корректно отображает ее сущность [4; 5; 14]. Н. Д. Арутюнова полагает, что качествами, которые отличают метафору от сравнения, являются отсутствие синтаксической подвижности, лаконичность, выражение константного признака. Более того, по Арутюновой, метафора «отбрасывает и основание сравнения» [3, с. 354-355]. Нина Давидовна схематично изобразила это отличие: «Если в классическом случае сравнение трехчленно (А сходно с В по признаку С), то метафора в норме двучленна (А есть В)» [Там же, с. 355].

Метафора, наряду с метонимией и антономазией, является средством вторичной номинации. Сущность ее заключается в том, что признак одного предмета (качества, действия) переносится на другой предмет (качество, действие) по принципу схожести. Человек выделяет одно наиболее характерное свойство того ли иного явления и соотносит его с ярким, выдающимся свойством другого явления: *дождь стучит по крыше, она светится от счастья, лицо горит, цены растут* и т.д. (примеры автора статьи. – А. В.). Г. В. Колшанский так обозначил ключевое отличие косвенной номинации от прямой: «В прямой номинации концептуальная особенность объекта сохраняется во всех видах употребления слова. В то время как в косвенной номинации сохраняется лишь одна основная или второстепенная особенность, которая и определяет изменение значения слова» [10, с. 142].

Процесс образования вторичных значений имеет непосредственную связь с функционированием определенного круга семантических моделей, проявляющих устойчивость в диахроническом срезе [7]. Исследователи выделяют ряд продуктивных моделей, складывающихся на раннем этапе эволюции языка. Ясно, что самыми древними являются модели, описывающие строение мира. Человек пытался объяснить устройство мироздания с помощью мифа, о чем писал Г. А. Цыхун в своей работе «К реконструкции праславянской метафоры» [17]. Процесс «называния» демонстрирует особенности представлений наших предков о мироустройстве, которые были обусловлены мифологической системой, характерной для представителей того или иного этноса.

Именно в единстве системы представлений о мире заключается причина того, что в рамках одной языковой общности, одной лингвокультуры прослеживается единство в принципах выделения единиц и их ключевых свойств для образования вторичных номинантов. Другими словами, механизмы метафоризации не индивидуальны, они обусловлены культурным кодом языковой общности [8]. Мы знаем, что, например, для русской лингвокультуры (и для славянской в целом) наиболее продуктивными для образования метафор концептами стали СВЕТОМ, СОЛНЦЕ, ТЬМА, ОГОНЬ. Так, образ солнца лежит в основе метафорической номинации блага, милости, а также человека, это благо дающего: *ВИЖЮ, ГОСПОДИНЕ, ВСЯ ЧЕЛОВЕКИ ЯКО СОЛНЦЕМ ГРЕЕМИ МИЛОСТИЮ ТВОЕЮ* (обращение к князю в «Молении Даниила Заточника») [6, с. 224]. Все, что связано со светом, обладает положительной коннотацией: так, например, автор «Повести временных лет» приводит такие слова византийского патриарха, обращенные к княгине Ольге: *БЛАГОСЛОВЕНА ТЫ В ЖЕНАХ РУСКИХ, ЯКО ВОЗЛЮБИ СВѢТЬ, А ТЬМУ ОСТАВИ* [11, с. 46]. В качестве другого примера можно привести отрывок из речи посланников папы римского к Владимиру Святославичу: *ВЪРА БО НАША СВѢТЬ ЕСТЬ, КЛАНЯЕМСЯ БОГУ, ИЖЕ СТОРИЛЪ НЕБО И ЗЕМЛЮ, ЗВѢЗДЫ, МЪСЯЦЪ И ВСЯКО ДЫХАНЬЕ, А БОЗИ ВАШИ ДРЕВО СУТЬ* [Там же, с. 62].

Разумеется, здесь не последнее место занимает принцип аналогии. Однажды удачно найденное сходство повторяется из уст в уста, из текста в текст. Так, если говорить о метафорических образах, широко представленных в произведениях древнерусской письменности, то, несомненно, в первую очередь необходимо отметить огромную роль византийской традиции в формировании образности и в целом стиля литературных памятников Киевской, а затем и Московской Руси.

В противовес этому суждению следует подчеркнуть, что носитель языка подражает не вслепую, а вычленивая только существенное, актуальное и ценное для его культуры, его окружения. Во-вторых, нас интересует не только и не столько книжный пласт лексики, сколько живой язык народа. Объяснить функционирование, с одной стороны, схожих вторичных номинаций в языке (или родственных языках) еще с дописьменного периода (или с момента зарождения письменности, когда быстрое, экспансивное распространение информации было невозможно) и, с другой стороны, существенных, даже резких, отличий в «чужеродной» языковой культуре можно лишь с учетом единства понятийной системы.

На основании вышеизложенного становится очевидным, что для прояснения принципов и механизмов вторичной номинации (в частности образования метафор) следует обратиться к истокам – то есть к этапу зарождения метафорических переносов в языке. Так как область нашего исследования – русистика, то истоки надо искать в праславянском периоде.

Большой интерес, с нашей точки зрения, представляют метафорические номинации со значением этической оценки. Оценка, по одному из определений, есть «особая функция морального сознания» [12, с. 24]. Что бы ни оценивал субъект, он характеризует предмет или явление с точки зрения понятий «хорошо» и «плохо». Он мыслит в аксиологической системе координат, вкладывая в выражение оценки, во-первых, свою меру ценности, а во-вторых, свое эмоциональное отношение к объекту – восхищение, неприязнь, симпатию, отвращение. Иными словами, «моральная оценка есть единство интеллектуального и эмоционального» [Там же].

В переносе свойств физических явлений на реалии морально-этической сферы проявляется высшая степень абстрагирования как свидетельства богатства культуры языкового сообщества. Поэтому нас интересует, на какой стадии развития русского языка начали реализовываться модели метафорического переноса, в результате которого у наименований физических явлений возникла семантика этической оценки.

В процессе абстрактного мышления человек анализирует и синтезирует знания о мире. При помощи ряда мыслительных операций – суждений, умозаключений и т.д. – субъект обозначает в своем сознании отношения между предметами и их свойствами. Разумеется, абстрактное мышление особенно тесно связано с языком. Если принять как неоспоримо истинное суждение, что абстрактные значения, связанные с более высокой ступенью развития мышления, вторичны по отношению к конкретным, то выстраивается следующий алгоритм доказательства: наличие одинаковых или очень близких вторичных значений у лексем одного корневого гнезда в разных языках свидетельствует о том, что этот корень с большой долей вероятности обрел данное вторичное значение в эпоху единства родственных языков. Соответственно, если мы находим идентичные вторичные значения у этимологически родственных лексем (образованных от общего пра-корня) в языках разных подгрупп славянской группы, то с определенной уверенностью можем заявлять, что данные производные значения появились до распада общеславянского языка.

Для более глубокого понимания механизмов и этапов вторичной номинации нужно обратиться не к одной изолированной лексеме праславянского языка, а к этимологическому гнезду. Так, на примере слов, восходящих к праславянскому корню **blęst-/ *blęd-/ *blōd-*, удастся наглядно проследить этапы семантических изменений. Выбор данного материала для исследования не является случайным и обусловлен несколькими причинами. Во-первых, данный корень оказался чрезвычайно продуктивным и обуславливает себя, насколько показывают источники, во всех славянских языках. Во-вторых, он представляет большой интерес для изучения процессов семантической деривации: в рамках данного гнезда наглядно прослеживаются трансформации от конкретных значений к абстрактным. В-третьих, понятие «Блуд» рассматривается в когнитивной лингвистике как один из основополагающих для русской лингвокультуры концептов (например, у Ю. С. Степанова [13]). И наконец, необходимо отметить, что все вышеописанные факты обусловлены отрицательно-оценочной семантикой как самого пра-корня, так и лексем соответствующего гнезда. Как известно, негативные смыслы ярче проявляются в языке. Человеческое сознание более чутко улавливает то, что отклоняется от нормы, а за норму традиционно принимается благо. Вот что пишет на это тему Н. Д. Арутюнова: «Восприятие мира... прежде всего фиксирует аномальные явления» [2, с. 304].

В качестве материала исследования мы взяли примеры, собранные И. И. Срезневским, В. И. Далем, М. Фасмером и представленные в Этимологическом словаре славянских языков под редакцией О. Н. Трубачева. Рассмотренные лексемы свидетельствуют о том, что первоначально, еще в период индоевропейской общности, пра-корень **blęst-/ *blęd-/ *blōd-* проявлял себя в двух основных значениях, относящихся к физической сфере. Мы не можем точно реконструировать эти значения, однако достаточно определенно прослеживается, с одной стороны, сема 'отсутствие/нарушения зрительного восприятия', а с другой стороны – сема 'нарушение упорядоченности/разграничения'. Так, О. Н. Трубачев сближает праславянский глагол **blęsti* с литовским *blendžiù, blęsti* 'спать', 'перемешивать кушанье с мукой', латышским *blenst, blensties* 'плохо видеть, быть близоруким', готским *blinds* 'слепой', *blandan sik* 'смешиваться', древневерхненемецким *blendan (*blandjan)* 'затемнять, ослеплять' [18, с. 115]. К этому же гнезду относятся и лексемы *blandà* 'болтушка из муки', *blandas* 'дрема, сонливость; пасмурность' и *blandà* 'сонливость, помрачение, сумерки' в литовском языке [Там же, с. 125]. На примере литовского и готского языков мы видим, что оба значения существуют одновременно и равноценно. Скорее всего, в индоевропейский период они были синкретичными.

Трудно сказать, какая из выделенных сем легла в основу образования (вероятнее всего, способом метонимического переноса) нового значения 'сбиться с пути', репрезентантов которого находим в разных славянских языках: *blǫdà, blǫdàja* 'скитаться, блуждать' в болгарских диалектах, *БЛЖДИТИ* 'блуждать' в старославянском, *blouditi* 'сбиваться с пути, блуждать, бродить, заблуждаться', *bloukati se* 'бродить, блуждать' в чешском; *blúdit'* 'сбиваться с пути', 'бродить, блуждать, скитаться' в словацком; *blądzić* 'заблуждаться', 'блуждать, сбиваться с пути' в польском; *bludimь* 'скитаться, шататься; бродить или ездить, сбившись с дороги, сбиться с пути, плутать' в русском [Там же, с. 125-126]. Здесь возможны обе модели деривации: 'потеря зрения' → 'потеря пути' либо 'помутнение сознания, помешательство' → 'потеря пути'. Хотя, скорее всего, мы сталкиваемся с проявлением все того же семантического синкретизма как наследия индоевропейской эпохи.

Сема 'ошибка' легла в основу образования нового значения 'ошибаться', принадлежащего уже к ментальной сфере: словенское *blóda* и *blód* 'заблуждение, ошибка', словинское *blódní* 'ошибочный, неверный', польское *bląd* 'заблуждение, ошибка', *blędny* 'ошибочный, неправильный, ложный'; верхнелужицкое *blud* 'заблуждение, ошибка', 'помешательство', нижнелужицкое *blud* 'заблуждение', староукраинское *bludumy* 'заблуждаться', словенское *blódití* 'заблуждаться' [Там же].

Сюда же можно отнести каузативные дериваты *blužiš* ‘запутывать, смущать’ в нижнелужицком языке, *bludzić* ‘вводить в заблуждение’ в верхнелужицком, *blŕdumi* ‘заводить не туда, куда надобно бы идти’ в древнерусском и русско-церковнославянском, *bludimь* ‘обманывать, врать’ в русских диалектах, *blóditì* ‘говорить вздор, размешивать, мешать, вводить в заблуждение’ в словенском [Там же].

Можно предположить, что перенос значения «ошибочный путь» в сферу абстрактных представлений («ошибаться») произошел до распада общеславянской языковой общности, так как в разных языках этой группы мы находим схожие значения с общей семьей ‘ошибка’.

По всей видимости, далее этот компонент значения выделяется и ложится в основу следующей модели семантической деривации, результатом которой явилось частнооценочное (по Н. Д. Арутюновой [2]) этическое значение «вести ошибочный, неправильный образ жизни». Рефлексы такого метафорического переноса находим в языках всех подгрупп славянской группы: старославянское *БЛЖДЬ* ‘беспутство, распутство’, ‘разврат, прелюбодеяние’ и *БЛЖДИТИ* ‘развратничать’; сербохорватское *blúd* ‘заблуждение; сладострастие, блуд, прелюбодеяние’, *blúdimi* ‘баловать, изнеживать, гладить, ласкать’ и *blúdimi se* ‘ласкаться, нежиться’, ‘увлекаться, делать глупости’; словацкое *blud* ‘заблуждение; ересь’; чешское *bloud* ‘дурак’, словенское *blód* ‘сладострастие’ и прилагательное *blóden* ‘бродячий’, ‘ошибочный, сумасбродный’; староукраинское *блудный* ‘развратный’; русское *bludimь* ‘проказить, шалить, портить что из шалости’, ‘совершать блуд, распутничать’, ‘о животных, обычно о кошке – воровать, таскать, проказничать’. Также древнее, индоевропейское, значение ‘смешивать’ находит отражение в лексемах с семантикой когнитивной дисфункции, например, в македонском *блада* ‘бредить’, польском *blędny* ‘помешанный’, словацком *blud* ‘помешательство’ [18, с. 127] и др.

Таким образом, можно построить две параллельные схемы семантической деривации: 1) ‘нарушение зрительного восприятия’ → ‘дезориентация в пространстве’ → ‘нарушение когнитивной функции’; 2) ‘нарушение зрительного восприятия’ → ‘дезориентация в пространстве’ → ‘отклонение от морально-этических норм’.

Повышенную экспрессивную способность номинантов со значением негативной оценки объясняет Н. Д. Арутюнова: «Сам язык в его нормативном состоянии предоставляет больше выразительных возможностей тем, кто пишет об исключениях, нежели тем, кто описывает правила, поскольку... в семантике обыденной речи широко отражены все виды аномальных явлений и девиаций» [2, с. 312]. Одним из подтверждений тому служит высокая результативность словообразовательных моделей на основе приставок с отрицательным значением. Интересными в плане метафоризации являются словообразовательные дериваты, образованные с помощью префикса **bezъ-*.

Так, например, весьма продуктивной стала основа **bezoč-/bezok-* (от корня **ok-*), породившая метафорические номинанты со значением этической оценки в южно- и западнославянских языках: *bezočaty* ‘бесстыжий’ в словацком; *БЕЗОЧИВЬ* ‘бесстыдный’ в старославянском; *bežочит* ‘бесстыдный’ в сербохорватском [18, с. 35]. Мы исключаем восточнославянские языки, так как русско-церковнославянское прилагательное *безочивый* ‘бесстыдный’, указанное в Этимологическом словаре славянских языков под редакцией О. Н. Трубачева, очевидно, является вариантом старославянского *БЕЗОЧИВЬ*. В русском языке сохраняется первичное конкретное значение ‘безглазый, слепой, незрячий’ в лексемах *безочный* и *безокий*, аналогично польским *bezoczy* и *bezoczny* ‘безглазый, слепой, незрячий’, болгарскому *безок* ‘безглазый, слепой’ и многим другим [Там же, с. 35-36]. В данном случае мы наблюдаем деривационную модель ‘отсутствие зрения’ → ‘отсутствие морально-этических ориентиров’, схожую с моделью, приведенной выше, которая отличается отсутствием «промежуточного» элемента.

Если взять другое этимологическое гнездо, восходящее к корню **gluzdъ-*, то выстраивается следующая схема: **gluzdъ* ‘мозг’ (по Бернекеру [19, с. 156]) → **gluzdъ* ‘ум’, ‘память’, ‘способности’ [Там же] + **bezъ-* = **bezgluzdъjъ* ‘лишенный мыслительной способности’ (рефлексы находим в русских диалектах – *безглуздый* ‘бессмысленный, бестолковый; безмозглый’ ‘бранно – бестолковый, безмозглый’; в украинском – *безглуздий* ‘бестолковый, безмозглый, бессмысленный’; в белорусском – *бязглузды* ‘бессмысленный; несуразный; глупый; бестолковый; нелепый’). Хотя мы наблюдаем здесь рефлексы только в восточнославянских языках, исследователи говорят о древности оценочного деривата **bezgluzdъjъ*: так, в Этимологическом словаре славянских языков под редакцией О. Н. Трубачева отмечается, что его, «несмотря на указанную ограниченность ареала, можно считать ранним образованием, как и исходное имя» [18, с. 25].

В ходе исследования нами были выявлены некоторые модели семантической деривации, результатом которой явились предикаты со значением этической оценки в русском и других славянских языках. Анализ реализаций данных моделей позволяет сделать следующие **выводы**. Культурно-языковая общность обуславливает единство механизмов и способов семантической деривации. Высокую степень продуктивности иллюстрируют модели с семьей отрицания, что объясняется психологическими и когнитивными причинами, выражающимися в потребности фиксации отклонений от общепризнанных стандартов, моральных устоев. Если полноценность воспринимается как норма, то отсутствие чего-либо (в физическом, ментальном или морально-этическом плане) ощущается организмом и переживается человеческим сознанием более остро, а поэтому чаще и ярче отражается в языке. Представленные в статье примеры являются отличной иллюстрацией того, что вторичные номинанты со значением этической оценки образуются уже в праславянский период, свидетельствуя о высокой степени развития абстрактного мышления человека, жившего в ту эпоху.

Перспективы дальнейшего исследования вопросов, затронутых в работе, мы видим в разработке проблемы аксиологического аспекта метафоры, в формировании методологических оснований диахронического

подхода к описанию моделей метафорической номинации в разных лингвокультурах, а также в более детальном изучении реализации значения этической оценки в метафорических номинантах русского языка на разных этапах его развития.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Изд-е 2-е, испр. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1 (110). С. 6-13.
5. Иванкова И. В., Макарова О. С. Метафора как средство выражения имплицитной оценки в языке философии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60). Ч. 3. С. 93-95.
6. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1969. 800 с.
7. Калимуллина Л. А., Васильев Л. М. Роль метонимических процессов в семантической динамике словаря // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 3. С. 903-908.
8. Киселева Л. А. Культурный код как основа внутренней формы эмотивных фразеологизмов (на материале славянских языков) // Доклады Башкирского университета. 2018. Т. 3. № 2. С. 189-193.
9. Киселева Л. А., Тодосиенко З. А. Когнитивные основания семантической деривации в разноструктурных языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 1. С. 21-29.
10. Колшанский Г. В. Языковая номинация (общие вопросы). М.: Наука, 1977. 358 с.
11. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд-е 2-е, испр. и доп. СПб.: Наука, 1999. 668 с.
12. Селиванов Ф. А. Оценка и норма в моральном сознании. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2001. 57 с.
13. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
14. Строкан Е. В. Метафорическая репрезентация британской монархии: аксиологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 9. С. 262-266.
15. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
16. Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
17. Цыхун Г. А. К реконструкции праславянской метафоры // Этимология – 1984 / под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина, Г. А. Климова, В. А. Меркуловой, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1986. С. 211-216.
18. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. Вып. 2 (*bez – *bratъ). 238 с.
19. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1979. Вып. 6 (*e – *golva). 224 с.

Metaphorical Models for Formation of Evaluative Metaphorical Nominations in the Slavonic Languages

Vasil'eva Anastasiya Yur'evna
Bashkir State University, Ufa
anastasija888555@yandex.ru

The article examines metaphorical models for formation of evaluative metaphorical nominations of objective phenomena in the Russian language. By the example of lexemes of the pre-Slavonic etymological clusters the author shows that the basic metaphorical models of the Russian language were formed in the pre-written epoch and represented mythological nature of ancient human thinking. Scientific originality of the paper lies in the fact that the lexemes belonging to one and the same etymological cluster are for the first time examined from the viewpoint of their ability to develop secondary (metaphorical) meanings associated with one and the same semantic sphere – ethical evaluation. Such an approach can be successfully applied in linguo-culturological and linguo-cognitive studies, historical semantics studies.

Key words and phrases: secondary nomination; inner form; metaphor; evaluation; conceptual system; semantic derivation; seme; concept.